

Эффективность экономической политики

УДК 303.442

МАКРОЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА: ДЕНЕЖНАЯ ПОЛИТИКА, ДЕВАЛЬВАЦИЯ И СТРУКТУРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

О.С. СУХАРЕВ,

доктор экономических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник

E-mail: o_sukharev@list.ru

Институт экономики Российской академии наук

В статье рассматриваются проблемы макроэкономической политики в России, исследуется вопрос о возможностях изменения денежной политики, общих вероятных результатах эффекта девальвации национальной валюты, структурных ограничениях развития экономики. Особое внимание уделяется анализу тех инструментов макроэкономической политики, которые взаимодействуют со структурными ограничениями функционирования экономической системы. Указаны основные позиции прогноза официальных властей, которые требуют дальнейшего развития и усовершенствования, т.е. чтобы прогноз готовился не только по базовым макроэкономическим агрегатам, но и по структурным параметрам экономики, с определением вероятного влияния тех или иных инструментов в рамках концепции «конструктивного прогноза». В теоретическом ракурсе представлена трактовка денежной политики, исходя из ее влияния на структуру экономики.

Ключевые слова: макроэкономический, политика, девальвация, «импортированная» инфляция, структурный, денежно-кредитный, скорость обращения.

Теоретический аспект денежной политики в растущих системах. Одной из главных черт сложившейся экономики является то, что она не в состоянии выработать комплекса приоритетных решений и распределить ограниченные финансовые ресурсы так, чтобы эффективно реализовать даже

те решения, которые могут считаться неприоритетными.

Например, российская экономика как будто боится совершать изменения, т.е. диапазон структурного маневра, который необходим для организации эффективного развития, остается довольно узким не только с позиций его ресурсного ограничения, но и с точки зрения управления – пригодных мероприятий экономической (фискальной и денежной) политики.

Изменение функционального разнообразия хозяйства, возрастание организационного и социально-правового потенциала вне связи с активной денежной политикой, поддерживающей появление новых экономических форм жизни, приводят, как показывает практика, к сомнительному результату.

Если факторы, расширяющие экономику, обеспечивающие рост, не подкреплены необходимым объемом денег в единицу времени, то появляющиеся функции и институциональные системы становятся с течением времени все меньше и меньше обеспеченными деньгами.

Подтвердим это элементарной схемой. Допустим, что начальное количество денег в экономике равно M_0 и за период $[t_1, t_2]$ происходит его увеличение: $M_0 + \alpha M_0$ т.е.

$$M_{[t_1, t_2]} = (1 + \alpha)M_0,$$

а в следующий период $[t_2, t_3]$, равный предыдущему, количество денег в экономике составит

$$M_0 + \alpha M_0 + \beta(M_0 + \alpha M_0),$$

или

$$M_{[t_2, t_3]} = (1 + \alpha)M_0 + \beta(1 + \alpha)M_0 = (1 + \alpha)(1 + \beta)M_0.$$

Если за это же время количество функций либо организаций изменилось (например, увеличивалось) с некоторого начального значения F_0 соответственно в ε и ϕ раз, т.е. количество функций на отрезке $[t_1, t_2]$ стало εF_0 , а на следующем отрезке $[t_2, t_3]$ – $\phi \varepsilon F_0$, то в среднем денежное обеспечение каждой функции или организации за равные интервалы времени менялось следующим образом [4]:

$$\frac{M_0}{F_0}, \frac{(1 + \alpha) M_0}{\varepsilon F_0}, \frac{(1 + \beta)(1 + \alpha) M_0}{\phi \varepsilon F_0}.$$

На практике, разумеется, организации (функции) имеют разную потребность в деньгах на данном отрезке времени и по-разному обеспечены денежными средствами. Поскольку количество функций и организаций растет, постольку ε и ϕ больше единицы.

Чтобы появляющиеся функции имели монетарное обеспечение (количество денег на одну функцию) не ниже первоначального, достаточно иметь: $1 + \alpha = \varepsilon$ и $1 + \beta = \phi$. Для увеличения такого обеспечения необходимо чтобы $1 + \alpha > \varepsilon$ и $1 + \beta > \phi$.

Это свойственно расширяющейся экономике. Если происходит денежное сжатие, то перед коэффициентами α и β может появиться знак минус, либо $\beta < \alpha$. В таком случае при попытках организационных преобразований в экономике будет сокращаться денежное наполнение функций и организаций, так как прироста денежной массы обычно не хватает на финансирование самого организационного преобразования и на адаптацию вновь появившихся институтов.

При $\alpha, \beta > 0$, $1 - \alpha < 1$ и $1 - \beta < 1$, а $\varepsilon, \phi > 1$. В итоге $\frac{1 - \alpha}{\varepsilon} < 1$ и $\frac{1 - \beta}{\phi} < 1$, следовательно, $M_{[t_1, t_2]}$ и $M_{[t_2, t_3]}$ меньше M_0 / F_0 .

У каждой из организаций (функций или институтов) есть собственный диапазон приемлемого «монетарного» обеспечения, когда данная организация (функция, правило, норма) может существовать, достигая своей цели, например производственной. И происходит постоянная борьба, чтобы не скатиться за нижнюю границу диапазона.

В этой конкуренции одни поднимаются значительно выше верхней границы, но поскольку возможности наращивания денежной массы фиксированы и действуют монетаристские ограничения

(контроль) эмиссии, то другие функции, правила, нормы, организации оказываются за нижней границей, и качество их функционирования снижается, а иные вообще не работают. При этом могут возникать низкоэффективные формы, для которых небольшой монетарный потенциал является как будто достаточным.

Таким образом, качественные организационные преобразования может осуществлять экономика, в которой дополнительный рост функционального и организационного разнообразия денежно обеспечен, и тогда

$$\frac{dM}{dt} \geq \frac{dF}{dt}.$$

Если принять в качестве $M = H / P$, где H – денежная база, P – индекс цен, тогда при минимально необходимом обеспечении растущих функций требуется соблюсти

$$\frac{d(H / P)}{dt} = \frac{dF}{dt},$$

или

$$\frac{dH}{dt} \frac{1}{P} - \frac{H}{P^2} \frac{dP}{dt} = \frac{dF}{dt}. \quad (1)$$

Если в экономике не совершается никаких изменений, институциональных преобразований, то можно с достаточной степенью уверенности положить, что $dF / dt = 0$, число функций серьезно не возрастает, но и не уменьшается. Инфляция будет определяться относительным изменением денежной базы (скоростью изменения) и начальным уровнем цен:

$$\frac{dH}{dt} \frac{P}{H} = \frac{dP}{dt} = \pi.$$

При изменении числа функций, организационного разнообразия экономической системы, при введении институтов, создании новых, трансплантации изменение функций не будет нулевым. Примем его за две итерации, как в нашем примере, и получим: изменение функций равно $(\phi \varepsilon - 1)F_0$, где F_0 – начальное функциональное разнообразие – базисные институты, а изменение денежной базы – $(\alpha + \beta + \alpha \beta)H_0$. Уровень инфляции составит

$$\frac{dP}{dt} = \frac{P}{H} (\alpha + \beta + \alpha \beta) H_0 - \frac{P^2}{H} (\phi \varepsilon - 1) F_0.$$

Уровень цен при нулевом темпе инфляции будет равен

$$\frac{H_0}{F_0} \frac{\phi \varepsilon - 1}{\alpha + \beta + \alpha \beta} = P.$$

Иначе уровень цен пропорционален исходной денежной базе, приходящейся на существующую институциональную структуру, где коэффициент пропорциональности зависит от скоростей прироста функций на каждом этапе за общий промежуток времени и скоростей прироста самой денежной базы на том же отрезке времени.

Поскольку $H = L(Y, r) = M_1(Y) + M_2(r)$, поскольку, как видно из формулы (1), прирост институтов зависит от динамики национального дохода, процента, изменения цен с обратным знаком.

Иными словами, быстрый рост цен, как и медленный, одинаково не способствует росту функций, институтов, а значит, и проведению реформ. Если не увеличивать денежную базу, то рост числа организаций (функций, институтов) будет играть роль демпфера и фактически действовать в направлении торможения инфляции. Однако с некоторой величины роста институциональных структур они, вероятно, будут способны сами генерировать рост цен.

Согласно Роберту Манделлу [3], под кризисом сложившейся системы денежно-валютных отношений подразумевается нарушение равновесия, когда изменяется соотношение некоторых параметров, определяющих стабильность системы, характеризующих действующую институциональную структуру в области денежно-кредитных и валютных отношений. Иными словами, кризис – это нарушение status quo в данной сфере отношений. Такое теоретическое представление денежно-валютной системы консервирует ее базовые институты и не позволяет осуществить их управляемого реформирования.

При росте цен полезно рассматривать рост реальных денег, сравнивая его с темпом институционального (функционального, организационного) расширения. Такое эффективное расширение будет затруднительно при сокращении объемов реальных денег в экономике.

Рост цен означает рост издержек. Если при этом происходит сжатие денежной массы, то экономике становится проблематично не только осваивать выпуск продуктов-новаций, но и поддерживать выпуск стандартной продукции. Далее разворачивается волна сокращения объемов производства или замедления темпов роста. Чтобы поддержать доходы, монополизированная экономическая структура поднимает цены. Если сдерживать рост денежной массы, когда инфляция в меньшей степени представляет собой инфляцию спроса и в большей –

инфляцию издержек и монопольной власти неэффективных институтов (функций), это приводит к дальнейшему сокращению реальных денег, сужает возможности и масштаб структурно-функциональных преобразований хозяйства.

Любой фактор, лишенный денежного обеспечения, перестает действовать в том виде, в котором ожидается. Так, расхождение реальной стоимости капитала с его так называемой рыночной стоимостью, которая и означает денежное «отражение» капитала, определяет как современный характер развития долговой системы, так и циклическую динамику капитализма.

Финансовые потоки в мире задают для отдельных систем их «монетарные диапазоны» существования и развития, причем величина потока создается в экономике самими агентами, концентрируется ими посредством банковского сектора и фондового рынка, но и сама денежно-кредитная система поддерживает механизм создания финансов и денежно обеспечивает хозяйственную деятельность.

В последнее время очень часто приходится видеть исследования, посвященные денежной сфере, финансам, которые строятся на ставших классическими соотношениях, в частности, на уравнении обмена Й. Фишера¹:

$$MV = PT,$$

где M – масса денег в обращении;

V – скорость обращения денег;

P – средняя цена (стоимость) совершенных сделок;

T – объем, число сделок, транзакций в экономике.

Часто вместо последнего параметра фигурируют объем ВВП и цена созданных товаров и услуг. Вместе с тем стало принятым, ссылаясь на Дж.М. Кейнса [1], разделять величину денежной массы

¹ Это уравнение составляет основу количественной теории денег и монетаризма. Помимо уравнения Й. Фишера известен марксистский подход к определению закона денежного обращения: он определяет объем денег, необходимых в виде средства обращения и платежа: $K = (P1 - P2 + P3 - P) / C$, где K – количество денег, необходимых в качестве средства обращения; $P1$ – сумма цен товаров и услуг; $P2$ – сумма цен товаров, проданных в кредит; $P3$ – сумма платежей по обязательствам; P – взаимно погашающие платежи; C – среднее число оборотов денег как средства обращения. Скорость обращения денег представляет собой частоту, с которой каждая денежная единица имеющихся в обороте денег используется для реализации транзакций на данном промежутке времени. – Прим. авт.

по крупной социально-экономической системе на части – по ее элементам или подсистемам, например транзакциям, которые не учитываются в ВВП.

Однако Дж.М. Кейнс считал, что отдельное лицо распределяет свои наличные деньги по мотивам их использования подобно тому, как женщина тратит на продукты питания и парфюмерию или драгоценности, выделяя сумму наличных на то и на другое отдельно. Соответственно, согласно коммерческому мотиву и мотиву предосторожности, а также спекулятивному мотиву объем наличных подразделяется, но для отдельного лица, чтобы показать влияние мотивов предпочтения ликвидности [1].

Автору представляется, что подразделять денежную массу и скорости обращения применительно к макромоделю неправомерно. Действительно, если у нас функционируют финансовая система и реальный сектор экономики, то запись $MV = M_f V_f + M_r V_r$, где $M_f V_f$ – финансовый сектор, а $M_r V_r$ – реальный, означает, что существуют два независимых оборота денежной массы и что сама масса подразделяется на две составляющие части: $M = M_f + M_r$.

Иное дело, когда анализируется состав денежных агрегатов, т.е. одни деньги входят в общий агрегат. Пример: $M = M1 + M2$, где $M1$ – бумажные деньги, $M2$ – текущие депозиты. Величина денежной базы $H = r_o + M1 + r_i$ – сумма обязательных (r_o), избыточных (r_i) резервов и бумажных денег в обращении. А общая для системы скорость обращения согласно «слепой математике» такова:

$$V = V_f + \frac{M_r}{M} (V_r - V_f).$$

Дело в том, что изменение в одной компоненте денежной массы, даже если допустить такое разделение, автоматически скажется на другой. Исследовать этот вопрос, не определяя взаимовлияния, представляется бесперспективным. Здесь возникает массив проблем, связанных с тем, что учитывается в ВВП, от чего зависит скорость обращения, как точно ее определять и каковы факторы, на нее воздействующие. Если речь о скоростях в отдельных частях системы, то каковы они и чем определяются? Насколько точно можно определить скорость обращения денег (денежного капитала) в реальном и финансовом секторах экономики?

Пусть на фондовом рынке обращается $M_1, M_2 \dots M$ пакетов ценных бумаг, реальная стоимость которые соответственно $r_1, r_2 \dots r_M$, так что общая реальная стоимость всех ценных бумаг на

данном интервале времени (скажем, один год)

$$r = \sum_{i=1}^M r_i.$$

Каждый пакет ценных бумаг может продаваться несколько раз по своей собственной цене.

Первый пакет – N_1 , второй – N_2 , и так далее до M -го пакета – N_M раз соответственно по ценам $P_{11} \dots P_{N1}, P_{21} \dots P_{N2}, P_{M1} \dots P_{NM}$. Тогда объем денег, который нужен, чтобы осуществить все акты покупки-продажи этих пакетов каждый свое число раз, будет равен $Q_{M1}, Q_{M2} \dots Q_M$, причем

$$Q_{M1} = \sum_{i=1}^{N1} P_{1i};$$

$$Q_{M2} = \sum_{i=1}^{N2} P_{2i};$$

$$Q_{MM} = \sum_{i=1}^{NM} P_{Mi};$$

$$Q = \sum_{i=1}^M Q_{Mi}.$$

Тогда

$$Q = \sum_{i=1}^{N1} P_{1i} + \sum_{i=1}^{N2} P_{2i} + \dots + \sum_{i=1}^{NM} P_{Mi}.$$

Получается, что Q – это общий объем денег, используемых в сделках на фондовом (финансовом) рынке. Иными словами, $M_f V_f = Q$, в нашем случае совокупная реальная стоимость всех пакетов акций представляет собой денежную массу M_f .

Реально денег необходимо много больше, поскольку сделок (актов купли-продажи) с одним и тем же пакетом осуществляется несколько. Число пакетов и число сделок в течение года изменяются, но эти процессы учитываются в записанных выражениях для объема денег, участвующих в сделках финансового рынка.

Один и тот же агент может продавать и покупать ценные бумаги, вести производственную деятельность, т.е. и быть агентом реального сектора, и использовать вырученные от продажи акций деньги на нужды производства – инвестировать, пополнять объем оборотных средств на выполнение производственных проектов.

Иными словами, деньги не имеют границ и обслуживают сразу оба сектора. Разделить это обслуживание довольно проблематично. Таким образом, можно говорить об оборачиваемости денег в одном секторе и в другом. В финансовом секторе $V_f = Q/r$, а для реального, агенты которого характеризуются объемом используемых оборотных средств, по оборачиваемости можно дать оценку

скорости обращения денег в реальном секторе экономики V_r . Кроме того, определение денежного потока объекту в единицу времени также позволит определить скорость оборота.

Определение среднегодовой величины оборотных средств известно и не представляет собой трудности. Оборотные средства реального сектора R можно отнести к величине денежно агрегата $M2$. Кроме того, подлежат определению скорость и длительность оборота.

Исследователь В. Леонтьев выделял три вида денежной массы – вся имеющаяся в наличии, находящаяся в обращении и разом выплаченная – пущенная в оборот [2]. Соответственно, каждой массе он выделял и свою скорость денежного оборота – она у первой ниже, чем у второй, и меньше, чем у третьей: $V1 < V2 < V3$, а денежная масса – $M1 > M2 > M3$, т.е. чем меньше масса денег, тем выше скорость ее оборота.

Вместе с тем ученый показывает уравнение денежного обращения посредством уравнивания потоков товаров и денег, либо, как можно заключить, транзакций, выполнение которых обеспечено деньгами. Повышение скорости обращения происходит, когда охватывается более значительная область денежного кругооборота, например при грозящей инфляции, ускорении выплат несколькими точками обмена. Локальное ускорение денежного обращения, по мнению В. Леонтьева, невозможно [2].

Иными словами, оценке подлежит общий объем денег, задействованных в одном и другом секторе. Важность имеет даже не скорость обращения как таковая, а отношение этих объемов – Q в финансовом секторе экономики и R – в реальном, т.е.

$$\mu = \frac{Q}{R};$$

$$\lambda 1 = \frac{Q}{M2};$$

$$\lambda 2 = \frac{R}{M2},$$

где $M2$ – денежный агрегат для макроэкономической системы.

Имеет значение преимущество финансового сектора по денежному обеспечению как в единицу времени, так и в выбранном периоде. Достигается это как за счет скорости сделок в этом секторе (разница в жизненном цикле сделки в реальном и финансовых секторах очень существенна), так и за счет объема отвлечаемых этим сектором финансов в силу высокой рентабельности и быстрой окупаемости сделок.

Причем эффект отвлечения финансового ресурса, а также разрастание финансового сектора и по числу занятых, и по общей его доле в экономической системе являются более значимым эффектом замещения и перераспределения ресурсов в экономике, чем замещение, которое может происходить в ходе технологического развития.

С накоплением и концентрацией знаний, когда принципы эволюции финансовой и производственной систем сильно различаются по многим признакам, что и делает характер этой эволюции различным, наблюдается изменение принципиальной схемы развития экономической системы и ее принципов – от «созидательного разрушения», свойственного системе индустриальной и индустриализирующейся, где эффекты замещения капитала трудом сильны, а базового структурного изменения (имеющего глобальный характер) в виде доминирования финансового сектора не происходит, к «комбинаторному наращению», использующему сочетание капитала и труда на основе технологических комбинаций, дающих новые признаки, свойства продуктам, новые возможности техники и ее производительности согласно диверсифицированным направлениями развития и т.д.

Некоторые особенности девальвации рубля.

Ближайшая макроэкономическая перспектива России хорошо проглядывается в прогнозах, которые даются официальными службами Правительства РФ, а также экспертным сообществом, которое, правда, не является однородным. В начале 2014 г. развернулось широкое обсуждение девальвации рубля, которую еще в первые дни наступившего года мало кто обсуждал из исследователей, экспертов и политиков, строя некие прогнозы и превращаясь в предсказателей курса. Тем не менее инерция развития российской экономики давно создала условия для девальвации в силу очень сложных внутренних диспропорций, а также внешних факторов, обусловивших макроэкономические изменения. Здесь нужно выделить три момента.

Первое. Импортированная инфляция. Она неизбежно применительно к России поднимет цены на продукцию и создаст проинфляционное давление внутри страны. А одна из заявленных задач Центрального банка РФ – сдерживание инфляции.

Главный банкир страны утверждает, что чуть ли не одна из задач банка России – удерживать инфляцию в пределах 3–5%. Кстати, заметим: если доводить инфляцию до этих цифр теми же мето-

дами, что и в предыдущие годы, будут полностью парализованы оставшаяся промышленность и обрабатывающие сектора экономики.

При сложившейся структуре российской экономики интенсификация экономического роста (а именно эта цель также заявлена правительством) будет обязательно обеспечивать инфляционное давление в экономике, если экономический рост связать с факторами развития обрабатывающих производств, а не с внешними факторами динамики цен на сырье или продовольствие. Поэтому надо просто научиться жить с инфляцией 6–8% и способствовать развитию обрабатывающих секторов.

Россия привязана к импорту очень сильно, поэтому импортированная инфляция приведет к повышению цен на внутреннем рынке. Существует объяснение, будто перед российскими обрабатывающими предприятиями стоит задача импортозамещения, а когда импорт станет дороже, отечественные предприятия, дескать, будут вынуждены от него отказываться в пользу своего производства. Словом, якобы девальвация позволит осуществить в каком-то масштабе стратегию импортозамещения. Причем оговаривается: с каким-то лагом.

Но, во-первых, многие частные собственники не желают ничего «импортозамещать». Им легче отдать часть своей собственности иностранным конкурентам, которые приходят на внутренний рынок, либо стать элементом их торговой и даже производственной инфраструктуры на внутреннем российском рынке. Во-вторых, импорт занял прочное место в структуре российского производства, и импортированная инфляция способна раскрутить маховик цен.

Если экономическая система и обрабатывающие сектора сильно зависят от импортных комплектующих и элементной базы, то импортированная инфляция никак не повлияет на импортозамещение.

Наоборот, наше производство, ориентирующееся на импорт технологий, комплектующих и элементной базы, также будет подвержено инфляционному давлению. Это определяется текущей структурой производственных систем и их состоянием.

Такое уточнение и понимание кажутся принципиально важными. По имеющимся у автора данным, за последние годы постоянно увеличивалась доля импортных комплектующих в производстве российских узлов и деталей машин, не говоря уже об импорте технологий и техники. Правительству и банку России придется решать вопрос в рамках

вилки между желанием увеличить доходы бюджета от девальвации и гашением негативного эффекта импортированной инфляции, которая будет действовать в направлении общего роста цен в стране.

Ограничением на стратегию импортозамещения при девальвации сейчас, в отличие от девальвации 1998 г., когда обрабатывающие сектора ожились, является худшее состояние промышленных систем России. Иными словами, нет уже того, кто осуществил бы это импортозамещение, наладил собственное производство дорогих комплектующих и узлов, технологий. Какая-то величина импортозамещения, конечно, возможна, но это не будет иметь принципиального значения.

Девальвация, конечно, улучшит положение, например сырьевых экспортеров. Возможно, она несколько улучшит состояние компаний, обслуживающих наши сырьевые корпорации, – нефтяные, газовые, естественные монополии (РЖД, РАО «ЕЭС России» и др.). Вопрос весь о величине этого улучшения и соотношении приведенных выше негативных и позитивных результатов девальвации.

Второе. Возражение сторонникам снижения процентной ставки, что нет возможности ее снижать, так как инфляция достаточно высока, также требуется критически уточнить.

Ставка рефинансирования составляет примерно 8,0%, а кредиты даются под 12–16%. Финансовые каналы в экономике устроены так, что снижение этой ставки увеличит доступность кредитов предприятиям, а это, в свою очередь, выразится в росте инфляции и оттоке капитала.

Это наглядный пример чисто монетаристского однобокого восприятия влияния названного процента на экономику. Именно такая философия и объяснения заложены в оценки правительства и Центрального банка РФ.

Более того, связь процента и инфляции подается однобоко. Большое количество расчетов и докладов, которые довелось видеть и слышать на протяжении 2000-х гг., не демонстрировали связи между денежной массой и инфляцией в России. Не было такой четкой связи между изменением объема денег в экономике и указанным процентом. При этом кредит оставался и остается довольно дорогим, особенно для обрабатывающих секторов – его стоимость выше рентабельности, что просто нарушает функционирование каналов поступления необходимых кредитных ресурсов для развития этих объектов.

Аргументация, что снижение процента автоматически приведет к инфляции, неоправданна, потому что даже девальвация в целом приводит к увеличению импортированной инфляции и ведет к инфляционному давлению в стране. Получается, что девальвация осуществляется для укрепления позиций сырьевого сектора, и инфляция, вызванная ею, будто не так опасна, а вот при снижении процента обязательно последует инфляция, и она будет очень опасна.

Такая логика совершенно ущербна для развития нашей страны, особенно с точки зрения поставленных перед нею задач (в частности, инновационного развития и индустриализации). Она абсолютно не связана с модернизацией и развитием инноваций, провозглашенными высшими лицами страны. Получается, что монетарная и финансовая логика, которую исповедуют руководители денежной системы страны, не стыкуется с логикой и стратегическими планами, которые заявлены первыми лицами страны.

Третье, как отмечают российские денежные власти, – это плохое (не соответствующее требованиям) состояние финансовых, денежно-кредитных каналов. Но оно же существенно не улучшается. И промышленные предприятия в своем развитии как ориентировались на собственные средства, которые относительно скудны, так и ориентируются, не имея широкого доступа к «длинным» деньгам. Как была высока доля убыточных предприятий, так и остается при общем сокращении числа предприятий, включая и рентабельные. Это дает очень неблагоприятный сигнал на перспективу. Обработывающим предприятиям невозможно развиваться без кредитования.

При этом ставка процента по кредиту, чтоб развивались обрабатывающие сектора, в идеале не должна превышать рентабельности предприятий. В таком случае и финансовые каналы могут нормально функционировать.

Но по факту ставка кредитования превышает рентабельность. Оправдывают это тем, что, дескать, каналы таковы и инфляция такова, что процент снижать невозможно. Они и будут таковыми, потому что получается запирающий эффект развития в рамках этих финансовых каналов.

Надо рассматривать как минимум три параметра: процент, инфляцию и рентабельность производительных секторов, потому что именно последние являются звеньями финансовых (денежно-кредит-

ных) каналов. Когда кредитный ресурс направляется в обрабатывающие сектора, одновременно можно поставить эффективный заслон и оттоку капитала.

Перспектива макроэкономических изменений. Теперь нужно обратиться к оценке перспективы в прогнозе официальных властей на 2014–2016 гг. Любой прогноз, как известно, претерпевает корректировки с течением времени.

Во-первых, все три сценарных прогноза (консервативный, умеренно оптимистичный и форсированный, как и варианты А и С, привязанные к предположению относительно динамики цен на нефть) исходят из различного уровня государственного управления экономикой.

Умеренно оптимистичный сценарий сводит роль государства только к созданию необходимого инвестиционного климата, повышению результативности бизнеса и его конкурентоспособности и обеспечению эффективности государственных расходов.

Другие сценарии либо сохраняют консервативную политику прошлых лет, либо уповают на привлечение капиталов. Но откуда, что это за капиталы, как они будут распределены в экономике, и будут ли они в принципе?

Во-вторых, исходная позиция, легенда прогноза тем самым не выдерживает критики, поскольку она никак не связана с необходимой комбинацией действий государства в условиях продолжающегося кризиса структуры, а привязывает прогноз фактически только к ожиданию цены на нефть, а также к ожидаемой инвестиционной динамике (норма накопления, норма сбережений), которая также будет зависеть от создаваемого в стране дохода, а тот, в свою очередь, определяется в сильной степени сырьевым экспортом.

Тем самым прогноз вписывается в сырьевую парадигму функционирования российской экономики, и стремление восстановить экономический рост, по сути, означает восстановление прежней модели экономического роста. Именно поэтому программа сокращения бюджетного дефицита к 2015 г. представляется необоснованной и ненужной.

Текущий дефицит не представляет угрозы, но в условиях, когда монетизация экономики около 50% ВВП, доступность кредита – 35% ВВП (при избытке денег у банков), а темп роста промышленного производства – около нулевой отметки, сокращение дефицита бюджета будет дополнительным фактором демонетизации и недофинансирования экономики, что выразится в сдерживании спроса. Однако у этого сдерживания нет экономических

оснований.

В-третьих, российская экономика находится не в стагнации, а в рецессии. Экономическая наука дает точное определение стагнации как ситуации, когда темп экономического роста приближается к нулевой отметке либо является слабо положительным, причем эта ситуация длится продолжительный период (например, великая стагнация 1970-х гг.)

Обычно экономика не изменяет своей структуры и невосприимчива к нововведениям. Рецессия – это типичное замедление темпа роста либо небольшой некритичный спад производства (обычно более полугода). Все проявления рецессии являются производной не столько глобального кризиса, сколько кризиса структуры российской экономики, заложенного еще трансформационным спадом и закрепленного «сырьевым» экономическим ростом 2000–2008 гг. и восстановлением 2010–2012 гг.

В-четвертых, в прогноз не попадает структурная основа российской экономики, отсутствует связь структурных и макроэкономических параметров. На взгляд автора, не вполне корректно подавать материал так, что сначала норма накопления основного капитала должна возрасти с 21,7 до 24,3% в 2016 г., что недостаточно для модернизации. При этом неясно, для какой модернизации, что она представляет собой, каким образом и какими ресурсами будет решаться задача индустриализации. Объективация прогноза вне связи с решениями и поставленными задачами выглядит так, будто экономика развивается вне решений.

Из прогноза неясно и не следует, чем будет подкреплён рост конкурентоспособности отечественной продукции по умеренно оптимистическому сценарию.

В-пятых, важно точно оценить влияние дополнительных факторов экономического роста, которые якобы будут задействованы при умеренно оптимистическом сценарии. Прибавки к темпу равны 0,1–0,2 процентных пункта по отношению к консервативному сценарию. Но каковы основания для таких прибавок? Важно знать, как они получены и на чем базируются ожидания.

Дело в том, что инвестиции в человека и в инфраструктурные проекты могут дать основной вклад в рост на временном интервале, превышающем два года, с 2014 по 2016 г. Сразу в 2015 г. этого вклада может не наблюдаться, так как 2014 и 2015 гг. будут годами вложений. Эти обстоятельства говорят об имеющихся погрешностях как концептуального, так и конкретно-измерительного характера в прогнозе,

в основной части его проектировок.

Таким образом, все три сценария привязаны к текущим внешним факторам развития российской экономики и не учитывают внутренних возможных изменений, а также промышленной и структурной политики.

К тому же выступление министра экономики на сочинском форуме 27 сентября 2013 г. вызывает удивление в связи с предупреждением о росте безработицы в 2014 г. до 6%. На этой основе премьер-министр России там же заявил, что нужно уйти от политики сохранения занятости населения любой ценой, а люди должны искать себе применение, настраиваться на переобучение, повышение квалификации и даже смену места жительства.

Подобные утверждения говорят об отсутствии политики в области доходов и занятости (ее нет в основных проектировках прогноза – раздел «Сценарные условия»), поскольку на переобучение, переезды, адаптацию, повышение квалификации нужны ресурсы. Откуда они возьмутся, и кто будет финансировать перечисленные процессы?

Инфраструктурные проекты, на взгляд автора, должны включать теряющих работу граждан в реализацию намеченного. Значит, они должны быть развернуты повсеместно, так как затраты на переезд часто делают многие планы несбыточными и неправдоподобными, да и ненужными.

Проведенный анализ позволяет сделать коренной вывод о назревшем полном изменении подхода не только к использованию инструментов макроэкономической политики, но и к планированию этой политики и самой философии (модели) этой политики. Логика управления крупномасштабной системой требует исполнения главного принципа – адекватности применяемых инструментов поставленным задачам развития.

Список литературы

1. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Гелиос-АРВ, 2012. 352 с.
2. Леонтьев В.В. Избранные статьи. М.: Экономика, 2006–2007.
3. Манделл Р. Проблема кризисов // Евро – дитя Манделла. Теория оптимальных валютных зон. М.: Дело. 2003. 368 с.
4. Сухарев О.С. Институциональная теория и экономическая политика. Кн. 1. Институциональная теория. Методологический эскиз. М.: Экономика, 2007. 516 с.

MACROECONOMIC OUTLOOK: MONETARY POLICY, DEVALUATION
AND STRUCTURAL PROBLEMS

Oleg S. SUKHAREV

Abstract

This article discusses the macroeconomic policy in Russia and the possibility of changing the monetary policy, the general effect of the possible outcome devaluation, structural constraints of economic development. The author analyzes the macroeconomic policy tools that interact with structural constraints of an economic system. Forecast shows the basic positions of the authorities, which require further development and improvement on the basic macroeconomic aggregates and on the structural parameters of the economy, with a certain probability of influence of different instruments within the concept of “constructive forecast”. The paper presents interpretation of monetary policy in terms of its impact on the economic structure in the theoretical perspective.

Keywords: macroeconomic, policy, devaluation, “imported” inflation, structural, monetary, velocity of circulation

References

1. Keynes J.M. *Obshchaia teoriia zaniatosti, protsenta i deneg* [General theory of employment, percent and money]. Moscow, Gelios-ARV Publ., 1999, 352 p.
2. Leont'ev V.V. *Izbrannye stat'i* [Selected articles]. Moscow, Ekonomika Publ., 2006–2007.
3. Mandell R. *Problema krizisov / Evro – ditia Mandella. Teoriia optimal'nykh valiutnykh zon* [Problem of crises / Euro – a child of Mandell. Theory of optimum currency zones]. Moscow, Delo Publ., 2002, 368 p.
4. Sukharev O.S. *Institutsional'naia teoriia i ekonomicheskaiia politika. Kn. 1. Institutsional'naia teoriia. Metodologicheskii eskiz* [Institutional theory and economic policy. Book 1. Institutional theory. Methodological sketch]. Moscow, Ekonomika Publ., 2007, 516 p.

Oleg S. SUKHAREV

Institute of Economics, Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russian Federation
o_sukharev@list.ru